

Этого актера не надо представлять читателям. Произнесите «Андрей Миронов», и редкий человек останется равнодушным, ибо в памяти оживут незабываемые впечатления, возникнет ощущение свежести, броскости, оригинальности. Вспомните Московский театр сатиры, с которым неразрывно связано его имя. Не только этот театр... О большом труде и счастье быть актером и наш разговор с народным артистом РСФСР А. А. Мироновым.

— Ваш отец Александр Семенович Менакер как-то сказал: «В театре нет и не может быть абсолютных истин». Как вы относитесь к этому высказыванию?

— Это — интересная мысль. Она настраивает на поиск, на творческую неудовлетворенность. Без постоянной тяги к совершенству нет настоящего актера. Все течет, все изменяется... Известный принцип диалектики. Но все то, что изменяется, не приходит само собой. Оно создается нашей волей, трудом, исследованием «себя в себе». В ранних работах любовь к острой форме, сочной детали имела для меня самоудовлетворяющее значение. С годами понял, что внешняя форма должна иметь точное психологическое обоснование.

— Вы — актер разносторонний. Играете в театральных пьесах и кинофильмах, телемузыкалах и эстрадных ревю. Чем объяснить эту многоплановость?

— Мне интересно все. Я вообще не приемлю слово «амплуа». Это понятие обediaет актера, создавая некий стереотип исполнения и восприятия. Творческая биография И. Смоктуновского не была бы полной, если бы наряду с царем Федором и Гамлетом он не сыграл бы Деточкина в кинофильме «Берегись автомобиля». Сегодня при многообразии выхода актера к зрителю — кино, театр, радио и телевидение — тем

более нельзя замыкаться в прокрустовом ложе амплуа.

Я счастлив, получая письма, в которых люди говорят, как нужны им радость, смех, веселье. Но мне не менее дороги письма, авторы которых хотят вместе со мной осмысливать явления действительности. Для меня важно не то, где — в кино, на телевидении, в театре — играет роль, а что она собой представляет, какие возможности самовыражения в ней скрыты. Возьмем, скажем, роль писателя-коммуниста Всеволода Вишневского в пьесе А. Штейна «У времени в плену». Можно было соз-

актуальны для нынешнего поколения?

— И все-таки что вы считаете основным, главным в своем творчестве?

— Всегда задаю себе вопрос: во имя чего и как я делаю то, что решил сделать, в какой мере мне удастся выразить то, что меня волнует. Сатира не связана для меня лишь с проблемой нравственного очищения.

Обличая, она утверждает доброе, светлое, возвышенное. И когда удается сделать то, что задумал, когда видишь, что открыл людям нечто новое, возникает та самая праздничность про-

могло не оставить заметный след в сознании. Но уже с детства у меня не было иллюзий о том, что в искусстве есть легкие пути. Актер — это будни, работа, порой очень тяжелая. Это, наконец, постоянный пересмотр критериев своего творчества, казавшихся ранее приемлемыми.

— Наконец, последний вопрос. Над чем вы работаете сейчас?

— В интервью газете «Известия», опубликованном 28 марта, я говорил о том, что актер должен играть все, а не только то, что ему кажется близким. Лопухин в «Вишневом саде» мне не близок, но, играя его в

Андрей МИРОНОВ:

«Я — актер, этим и интересен»

дать образ «трибунного» героя. Я же стремился к тому, чтобы мой Вишневский думал, верил, негодовал и сомневался. Порой наивен, даже старомоден его пафос, но пройти через свое, выстраданное хочется каждому поколению. В чем она, самобытная личность? Поиск в этом плане приведет к открытию новых эмоциональных пластов, новых граней характера. Нравственное соответствие произведению — такова, на мой взгляд, главная цель актера.

— Андрей Александрович, вам принадлежат крупные работы в пьесах классического репертуара — «Ревизор», «Горе от ума», «Доходное место»... Каково ваше отношение к классике?

— Классика — живая стихия. Обращаясь к ней, стремлюсь выявить то, что меня волнует, что актуально. Разве пустопорожнее хвастовство Хлестакова, его чванство и лихоимство чиновников-ротозеев не встретишь в наши дни? А ненависть Чацкого к тупоумию, подхалимству, черствости, его страстная жажда нравственной чистоты разве не

фессии, о которой говорил Вахтангов.

— В прессе приводились письма зрителей, привыкших видеть вас в комедии и считающих, что для вас уготовано только это поприще. Они встревожены тем, что вы все больше думаете о других ролях, и считают, что лишь работа в комедии продлит вам молодость...

— Молодость не нуждается в том, чтобы ее продлевать искусственно. Тогда это будет наигранная молодость. Я ценю молодость мысли, чувства, творчества, молодую ясность ума, молодой интерес к жизни и своему делу.

— Андрей Александрович, вы — сын популярных эстрадных актеров. Существует мнение, что от матери, народной артистки РСФСР Марии Владимировны Мироновой, вы унаследовали веселый темперамент, а от отца — музыкальность... Этим, видимо, объясняется ваше неравнодушие к эстрадной песне!

— Наблюдал труд своих родителей, слушал их споры об искусстве. В нашем доме постоянно бывали многие выдающиеся артисты. Все это, разумеется, не

пьесе А. П. Чехова, я пытался прожить его жизнь, его ощущения. Быть этим человеком, а не казаться — вот что важно.

В числе последних ролей — роль Мэххита в «Трехгрошовой опере» Б. Брехта, роль писателя, принципиально новая и важная, в фильме «Начальник опергруппы» по повести Ю. Германа. Такова же роль Николая Порываева в сатирической комедии «Блондинка за углом» В. Бортко. В ближайшем будущем выйдет фильм Евгения Матвеева «Победа» (по одноименному роману А. Чакковского), где я играю роль американского журналиста Брайта. Кроме того, я ставлю спектакль по пьесе Г. Горина «Прощайте, конфетансы».

Интервью взял
А. ГЕЛИС.

Москва — Куйбышев.